

Виолетта Лосева

Дайте мне
другую маму!

Виолетта Лосева
Дайте мне другую маму!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48710654

ISBN 9785005080721

Аннотация

«Дайте мне другую маму!» – это повесть о людях и отношениях...«Люди не виноваты в том, что они – такие, как есть. Но ведь... Ммм... Я тоже в этом, как будто бы, не виновата, правда?..»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дайте мне другую маму!

Виолетта Лосева

Я посвящаю эту книгу своему отцу Виктору Степановичу Кудрику...

...Иногда я смотрю на твою фотографию и понимаю: я учусь жить без тебя, папа. Порой мне кажется, что я уже почти научилась...

Когда мы с сестрой выходили замуж, ты понимал, что мы, твои любимые девочки, теперь будем носить фамилии наших мужей, какими бы они ни были... Фамилии и мужья...

И тогда я дала твое имя своему сыну, чтобы в нас всегда оставалась частичка тебя. Теперь, когда я молюсь Богу, я всегда уточняю, какого Виктора я имею в виду. Я не думаю, что Бог может что-то перепутать в моих молитвах, но делаю это так, на всякий случай...

Спасибо за счастливое время, когда ты был со мной.

Спасибо за то, что ты со мной и сейчас.

Спасибо, что снишься мне иногда...

© Виолетта Лосева, 2019

ISBN 978-5-0050-8072-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Подруги моей мамы очень меня любят. Я – девочка хорошая.

Я знаю, что хорошим девочкам живется сложнее, чем плохим, но ничего не могу с собой поделаться. Дети подруг моей мамы – все, как на подбор – бессердечные, безразличные, невнимательные и постоянно сконцентрированы на себе.

Я – другое дело.

– Элеонора Павловна, – говорят маме подружки, иногда с трудом выговаривая ее сложное красивое имя, – у вас просто золотая девочка. Как она внимательна к вам! Да и просто красавица!

– Да, это так, – важно кивает головой моя мама, – У меня нарушение мозгового кровообращения и проблемы с памятью, поэтому я просто не знаю, что делала бы без нее.

Мама всегда, даже в первом разговоре с незнакомыми людьми, сразу же сообщает свой диагноз. Вероятно, чтобы потом не удивлялись, когда она не узнает их на улице. Бывает и такое.

Я учу ее:

– Мам, если не узнала, то не пугайся. Попроси напомнить, как зовут и где встречались. Ничего в этом нет странного. Все взрослые люди понимают, что бывает и так.

Мама всегда возражает:

– Ты не понимаешь как это страшно.

Я понимаю. Именно поэтому я пытаюсь дать ей понять, что я готова стать ее ушами, глазами и мозгами. Положись на меня, мама. Я тебя не подведу. Живи спокойно.

Вы думаете, у меня это получается? Ха! Не тут-то было!

Несмотря на то, что я – золотая девочка и предмет зависти всех подруг и знакомых, мама не устает перечислять мои недостатки и промахи. Причем, чем противнее вопрос, тем с большим удовольствием мама его обсуждает. Иногда мне просто хочется сбежать на край света.

Хорошо, что мы не живем вместе и хорошо, что она пока в быту справляется сама.

Вопросы, которые мне совсем не хочется обсуждать с мамой, – это моя неофициальная работа, которая (по мнению мамы) не дает ни нормального заработка, ни надежд на достойную пенсию, мужчины, которые есть или могли бы быть в моей жизни, мое курение и наплевательское отношение к себе, мое пристрастие к покупке ненужных (опять же, по мнению мамы) вещей и мои отношения с моей дочерью.

Но иногда мне кажется, что мама просто строит беседу со мной по этому списку.

Я постоянно пытаюсь придумать, на что бы «переключить» мою любимую маму.

Например, сегодня с утра мне пришлось погрузиться в поэзию. Именно, пришлось. Поневоле. Оказывается и так бывает.

Собираюсь уезжать на три дня. Не по делу. Просто отдохнуть.

Мама манипулирует. Любимая мама. Рассказала мне все ужасы, которые происходят на дорогах. И о состоянии дорог тоже рассказала. Целая история была о том, какое грязное сейчас море и как вредно в нем купаться. О том, какая бывает погода – вьюги, метели, проливные дожди – и о том, какие катастрофы случаются на планете – оползни, землетрясения и потопаы – была составлена целая лекция.

Отдельным мотивом шли короткие рассказы о том, как ночью в дверь может кто-то позвонить, как в соседнем подъезде ограбили квартиру, как не дремлют всякие мошенники и как страшно стало жить.

Все понимаю. Мама манипулирует. Не от хорошей жизни. Не для того, чтобы испортить мне настроение. Не потому, что хочет навредить. Это – страх. Безотчетный страх пожилого человека. Она действует доступными ей способами.

В таких случаях, когда речь идет о пожилых людях, обычно говорят: придумайте маме занятия. Деятельному человеку скучно и страшно на пенсии в одиночестве.

И предлагают: от вышивания крестиком до зарядки и ухода за домашними растениями.

Что может увлечь именно мою маму?

Стихи!

Это – ее страсть, утешение, восторг и увлечение всей жизни.

Я погружаюсь в поэзию.

Мою маму сложно удивить стихами. Учитывая то, что она может забыть, пила ли она сегодня с утра таблетки, она часами наизусть читает Лермонтова, Ахматову, Пушкина, Вертинского и многих других.

Поэтому я должна сделать такую подборку, которая ее удивит, развлечет, простимулирует выучить наизусть хоть пару новых четверостиший и скоротает то время, пока меня не будет в Киеве.

Естественно, это должны быть стихи о любви и о жизни.

Погружаюсь в поэзию.

И понимаю: поэты обладают совершенным умением не только писать стихи. Они умеют страдать! Если не предательство, то смерть, не измена, так грусть, не разочарование, так несправедливость.

Очень трудно найти какие-нибудь глубокие, но, в то же время, позитивные и жизнеутверждающие стихи.

Я показываю маме свою подборку. Наслаждайся, любимая, и дай мне расслабиться в течение трех дней.

Мама с благодарностью смотрит на меня и начинает читать наизусть «Мцыри». С выражением и пафосом.

Я понимаю, что это надолго. А у меня еще много дел.

– Ну все, мамочка, я побежала, – я прерываю великолепие лермонтовских строк, целуя ее в щеку.

– Иди с Богом, – печально вздыхает мама.

Мне хочется сказать: «Мам, ну отпусти меня так, чтобы

я могла беззаботно провести эти три дня, и твое несчастное лицо не маячило у меня перед глазами каждый раз, когда я хочу выбросить из головы все серьезное и просто пожить «для себя».

– Так когда ты уезжаешь? – еще раз переспрашивает мама, как будто десять минут назад я не отметила в ее календаре день моего отъезда и приезда.

– В воскресенье, – поясняю я, останавливаясь в дверях. – Сегодня – суббота. Завтра я уеду, а вернусь во вторник. Запомнила?

– Ясно, – мама еще раз печально вздыхает, – Поезжай с Богом.

«Мам, ну имей же совесть, – хочется сказать мне, – Три дня – это же не три недели! Не говоря уже о том, что другие „дети“ уезжают и на три месяца!».

Но я молчу.

– Так куда мне звонить, когда меня придут грабить? На 102? – спрашивает мама, в то время, когда я уже спускаюсь по лестнице.

Мне, елки-палки, нравится это даже не «если», а «когда».

– Мама, блин, никто не придет тебя грабить. У тебя четыре замка. Успокойся.

– Ладно-ладно, – говорит мама, – иди с Богом.

Я выхожу из парадного и вижу, как она смотрит на меня в окно.

Сердце сжимается.

Раздражение проходит.

Господи, сделай так, чтобы в этом окне как можно дольше маячило мамино лицо, и пусть мне еще долго-долго придется «отпрашиваться» на три дня.

Сделай так, пожалуйста. Я буду хорошей девочкой!

– Леночке привет передавай! Дашу поцелуй! – кричит мне мама из окна.

Обязательно, мамочка. Все сделаю, как ты скажешь...

Да-да, несмотря на то, что я все еще «хорошая» девочка, у меня есть взрослая дочь Лена, которой, как я понимаю, тоже иногда хочется сбежать от меня на край света. Вероятно, она тоже не может ничего с собой поделаться и радуется, что мы живем не вместе.

Но перед отъездом я должна к ней заглянуть.

– Лена, да когда же это закончится, Лена? – спрашиваю я ее, когда прихожу к ней и вижу недосушенное белье, раскиданное по маленькой квартире и ее дочь Дашку, которая ходит босиком по холодному полу.

– Мама, это закончится, когда ты перестанешь вмешиваться в мою жизнь! – отвечает мне дочь. Думает, что если она будет хамить, я сразу отстану. Не на ту напала, доченька!

– Дашенька, надень носочки или тапочки, – прошу я, пытаюсь собрать полумокрые одежки со спинки дивана, – Лена, ты не понимаешь, что ребенок этим дышит? Почему не развесить на балконе?

– Оно почти сухое, – Лена поджимает губы, но кидает

Дашке носки и собирает белье, – а на балконе оно и за три дня не высохнет.

Даша ходит по квартире как Маугли – локоны не расчесаны, носки игнорирует, на пижаме, похоже, каша, которую она ела на ужин. Все это не мешает ей быть настоящей принцессой в душе и манерами. Она капризно поводит худенькими плечами и движением королевы убирает прядь волос за ушко.

– Дашенька, надень носочки, – прошу я еще раз.

– Мама, ей не холодно, – шипит Лена.

– Мне не холодно, – с той же интонацией повторяет Даша, – Пол теплый.

Пол мог бы быть теплым, с подогревом, если бы ваш папа в свое время заработал на нормальный ремонт, а не экономил на винтиках и выключателях.

Естественно, я не говорю этого вслух.

– А где Сергей? – спрашиваю я.

– Ушел по делам, – Лена отвечает сквозь зубы. Безусловно, мне интересно, по каким делам в субботу утром должен уходить семейный человек, в то время как его жена собирается на работу и просит мать посидеть с ребенком. Очень мило!

Я не задаю вопрос вслух. Я понимаю, что для Лены такие вопросы – это то же самое что для меня вопросы моей мамы – про мужчин, курение, лишние тряпки и далее по списку.

Я не задаю вопрос вслух.

Но, по-видимому, он написан у меня на лице.

– Мама, если бы ты сказала, что ты не можешь, мы бы организовались по-другому, – говорит Лена, наводя красоту перед зеркалом, – Я же не виновата, что мне поставили пары на субботу. Я наоборот думала, что так лучше. И вообще, мам, работать преподавателем – это же не с девяти до шести каждый день!

«И нечего сидеть с таким лицом!», – наверное, хотела бы она добавить, но не добавляет. Хотя эта фраза тоже написана у нее на лбу, который она тщательно пудрит в этот момент.

Да, мы читаем по лицам друг друга. А потом обижаемся. Увы... Умение читать по лицам иногда играет против нас. Особенно, если речь идет о родственниках.

– Как тебе идет! – Дашка смотрит на маму восхищенно и хочет взять помаду.

– Не трогай, у тебя есть своя, – улыбается Лена.

– А, точно, – вспоминает Даша и бросается к своим игрушкам.

– Это детский набор, – поясняет Лена мне, – А то ты сейчас начнешь...

Ты, прям, знаешь, доченька, когда я начну.

Хотя на языке, конечно, вертится «лучше бы книжку ребенку почитала, чем помады покупать, пусть даже детские».

Но я молчу.

Восхищаюсь собственному терпению и толерантности.

– Какая же ты красивая! – говорит Дашка, оглядывая Лену с головы до ног, – Как принцесса!

Лена наклоняется и целует ее.

– Солнышко мое, ты одна понимаешь, что я – принцесса. «Ну-ну, – думаю я, – лучше бы это слышал твой муж, доченька».

Она и правда, очень красивая.

Мы все красивые. Порода такая. Начиная от моей восьмидесятилетней мамы и заканчивая маленькой Дашкой. И все хотим быть принцессами.

Правда, не у всех получается.

Пока.

– Mam, я еще потом на полчаса с Инкой встречусь, – сообщает мне Лена.

Я понимаю, что собираться в поездку мне придется ночью. Знаю я эти полчаса.

Я поджимаю губы. И, глядя в зеркало, понимаю, что я в этот момент очень похожа на свою маму.

Мы все очень красивые. И одинаково поджимаем губы, когда наши любимые люди творят какие-то глупости и несуразности. По нашему мнению.

Мы-то знаем, как надо!

Мы с Дашей отпускаем Лену и на работу, и на свидание с подругой. Пусть развеется. Она уходит такая красивая, что у меня захватывает дух. В дверях она оборачивается и смотрит на меня виновато.

– Даш, мам, я недолго.

Я не хочу, чтобы она испытывала чувство вины. Хочу, чтобы уходила с легким сердцем. Пусть развеется. Даже не спрашиваю, когда придет Сергей.

– Иди-иди, – говорю я грубовато. Специально, чтобы она вот... ни о чем не думала. Лена улыбается, смешно морщит нос (совсем как в детстве), отчего ее шикарно-гламурный вид теряет свою яркость.

– А мы что будем делать? – Дашка тоже морщит нос, но от этого становится только еще более очаровательной.

А мы... Мы приготовим обед. Заплетем косички. Наведем порядок в игрушках. Поиграем в лото... Почитаем... Позвоним твоей прабабушке. Послушаем ее наставления.

Если закончится дождик, выйдем погулять на площадку.

И будем ждать маму и папу.

– Чтобы всем было хорошо? – спрашивает Даша.

Да, моя любимая. Именно для этого.

– Ты думаешь, что ты делаешь всем хорошо? – крикнула мне Лена несколько лет назад во время одной из ссор, – Ты не хочешь понять, что это твои иллюзии! Так не бывает! Не обманывай себя!

Не бывает?

Да, наверное, так не бывает.

Но если никто не будет стараться, то...

Будет еще хуже?

Впрочем не знаю...

– Снимай пижамку, – говорю я Дашке в то время, как она перед зеркалом красит губы бесцветной гигиенической помадой.

– Сейчас, подожди минутку, – говорит она.

Ладно, я подожду.

Чтобы всем было хорошо...

Глава 2

А ведь счастье – это когда на твою пальто падает мокрый кленовый лист, и ты стоишь на берегу реки и слушаешь как увядает трава.

Молча.

И ты понимаешь, что есть вечное (как музыка, например), а есть – суета.

Я ушла от суеты. К увядающей траве.

Крылья и корни... Все, что нам нужно...

Подружки, с которыми мы проводим уикенд – Брагина и Серафима Эдуардовна – остались там, в отеле СПА-салона. «Погода не для прогулок» – постановила Брагина, и я с удовольствием оставила их в номерах. Первую половину дня мы провели в СПА – плавали, парились, булькались в джакузи, наслаждались массажем, – «любили себя», одним словом.

И болтали. Делились новостями. Наслаждались жизнью.

Мама позвонила только два раза. Причем в первый раз радостно сообщила мне, что разгадала кроссворд и, тем самым, выиграла приз в 350 тысяч гривен. И уже сообщила куда нужно и свой адрес, и свой телефон. Ну разве что отпечатки пальцев не отправила тем, кто должен выдать ей этот приз. После моих уверений в том, что этого делать не нужно и это – старый прием мошенников, которые, получив контакты, начинают навязывать свои товары, мама закончила раз-

говор словами «не выдумывай, не могут люди так обманывать, здесь прямо так и написано, я – победитель».

Второй звонок был из разряда «о ужас-ужас, я теперь сижу и боюсь». Пришлось утешать и успокаивать. Убеждать в том, что бояться нечего. Просто не нужно так делать в следующий раз.

Так, где-то между строк я поняла, что, несмотря на все страхи, маме все-таки очень хочется получить приз в 350 тысяч. Обманывают-то других, а она – умная Элеонора Павловна – имеет высшее образование и хорошо разбирается в поэзии Серебряного века. Ее не обманешь.

Но все равно страшновато...

– Завидую твоему терпению, – говорит красивая и расслабленная Брагина, сидя в джакузи, – Я бы не выдержала, уже давно бы наорала. А ты так спокойно уравновешенно объясняешь что к чему. Молодец.

– Это манипуляции, разве непонятно? – начинает объяснять Серафима Эдуардовна, заворачиваясь в махровую накидку. Она все время что-то кому-то объясняет и доказывает. Иногда я думаю: как хорошо, что мы редко видимся.

Ах, девочки, оставьте, я сама знаю, как мне управляться со своей мамой. Разберитесь со своими.

Уж в этом вопросе – у каждого своя история. Я никогда не пойму вас. Вы – меня.

Брагина почти не общается со своей матерью вот уже лет десять. Раньше, как я понимаю, это устраивало их обеих.

Сейчас мама стала позванивать чаще. С просьбами и поручениями.

– Где она была, когда я с двумя детьми без мужа крутилась как белка? – задает нам Брагина вопрос. Вопрос, понятно, риторический. Его нет смысла задавать ни нам, ни маме, – Собой занималась? Мужей меняла? По курортам разъезжала? А ведь это были времена, когда ни памперсов, ни автоматов не было...

«Это было давно, – хочется мне сказать, – И уже давно пора не дергаться по этому поводу. Какие памперсы?» Даже младшему сыну Брагиной уже почти двадцать.

Но я молчу. У каждого своя мама.

Серафима не молчит. Она не может молчать, если вопрос проблемный. Она считает, что во всем нужно докопаться до сути. Только суть у нее – своя.

– Каких автоматов? – переспрашивает Серафима, а мы с Брагиной переглядываемся.

– Стиральных машин типа «автомат», – уточняет Брагина, опуская глаза чтобы не рассмеяться.

Хотя можно и рассмеяться. Серафиме все равно. Она продолжает что-то доказывать, не зависимо от того, соглашаешься ты с ней или подсмеиваешься. Абсолютно все равно.

– А у меня уже тогда была стиралка-автомат, – заявляет Серафима и мы с Брагиной опять переглядываемся. Это имеет в нашем разговоре какое-то значение?

Серафима Эдуардовна видит в наших глазах удивление

и считает, что мы сомневаемся. Поэтому продолжает доказывать.

– Нет, серьезно. Я помню, как я ее купила. До этого у нас была такая старенькая советская... Тоже неплохо стирала, но нужно было за ней следить и выкручивать. Там такой был барабан...

Брагина смотрит мне в глаза. Я тоже опасаюсь, что сейчас Серафима начнет рассказывать нам устройство стиральной машины. Старенькой. Советской.

Серафима раздражает, но мы прощаем ей странности. Мы понимаем (или думаем, что понимаем), «откуда ноги растут».

У Серафимы Эдуардовны нет ни семьи, ни детей. И никогда не было. Только мама. В нашем возрасте это опасно. Хочешь – не хочешь, а отпечаток остается. Не знаю, это биология или социология или все вместе.

Хотя странности у Серафимы были и в юности. Страшно подумать, мы знакомы больше двадцати лет. И все эти двадцать лет мы с Брагиной слушаем рассказы о том, как в Серафиму влюбляются все мужчины подряд. И те, кто встретил ее на своем пути, и те, кто увидел случайно. И как еще в институте какой-то безумно привлекательный и богатый Аркадий хотел ее увезти прямо в Израиль, а мама – на тот момент еще не старая и не слабая – «начала играть на жалость и говорить «как же я тут без тебя». И благородная Серафима сказала Аркадию решительное «нет» и осталась с мамой.

Честно говоря, у нас с Брагиной есть больше сомнения, существовал ли вообще в природе этот Аркадий. А если и существовал, то... звал ли Серафиму в благодатный Израиль... Сомнения у нас есть.

Но мы не высказываем их вслух. Нет смысла. Серафима любого убедит в том, что у нее все прекрасно и все мужчины без ума от нее. Только мама слегка испортила ей жизнь.

Ведь потом... Марио, начальник-немец, звал ее в Германию на постоянное место жительства и замуж, но... мама Серафимы не могла простить Германии «немецко-фашистского» прошлого, и поэтому Марио вернулся к себе на родину холостым.

По словам Серафимы он пишет ей до сих пор. Женился, конечно, но... без любви. И детей завел тоже без любви. Да и какая может быть у него теперь любовь после того, как в его жизни была Серафима?

Честно говоря, мы с Брагиной за последние двадцать лет никогда не видели рядом с Серафимой ни одного мужчины. Даже в качестве друга или проходящего любовника. Были, наверное, какие-то эпизоды – не без этого – но... Как мы понимаем, о серьезных отношениях речь не шла. Естественно, все это было по причине капризного нрава и высоких запросов Серафимы. Кто бы сомневался!

Поэтому рассказ об интеллигентном Иване Ивановиче – благороднейшем из благороднейших, который активно хотел перевезти Серафиму в Питер вместе с мамой и даже купил

специально для них трехэтажный дом на берегу залива, мы слушали уже как красивое фэнтези.

Нужно ли говорить о том, что Серафима Эдуардовна с мамой не поехали в Питер из-за климата? Что они забыли там в этой «столице на болотах»?

Арабский шейх, который «пристал» к Серафиме, соблазнившись ее красотой и сексуальностью, когда она гуляла по Андреевскому спуску, был отвергнут сразу же. А ведь сорок верблюдов уже были приготовлены для отправки сюда, в Киев... Другая культура. Другая страна. Другие ценности. Да и... зачем маме здесь верблюды?..

– К тебе шейхи на улицах пристают? – спрашивает меня Брагина после того, как мы прослушали рассказ Серафимы о верблюдах и мусульманской культуре, к которой она – женщина свободолобивая и независимая – никогда не сможет привыкнуть.

– Нет. Ни разу. Вот ни одного шейха за всю жизнь, – отвечаю я, пытаясь обернуть все в шутку.

– Вот видишь, – продолжает Брагина, – Ни к Лизе, ни ко мне, шейхи почему-то не подкатывают. Тем более, на улице... Что ж в тебе есть такого?

Мне не нравится, когда Брагина начинает подшучивать над Серафимой. Это все равно, что смеяться над ребенком, который в силу возраста понимает все буквально. Единственный раз, когда я серьезно разругалась с Брагиной, был много лет назад, когда она сказала своему маленькому сы-

ну «дуй отсюда», и он надул щеки и начал дуть. А Брагина начала ржать, как лошадь, призывая меня понять, как это смешно.

А мне было совсем не смешно. Мне было страшно жаль ее сына.

– А был ли шейх? – продолжает Брагина, поправляя купальник. Красивая она, конечно. Породистая. Роковая. Только очень рациональная. Чувств нет. Просто ноль.

– Брагина, что ты делаешь с волосами для того, чтобы они у тебя так блестели? – видно, это моя участь – переводить беседу в новое русло. Да, я как раз из тех, кому не трудно сказать собеседнику что-то приятное. Без проблем!

Но Серафима не может смириться, чтобы при ней хвалили кого-то другого.

– Да здесь просто освещение такое, – говорит она, поправляя прическу, в которой активно просматривается седина. Тоже, наверное, от такого освещения.

Брагина нагло смеется.

– Знаешь, в какой-то момент я решила для себя, что лучше выглядеть хорошо в своем возрасте, чем изводить себя попытками выглядеть на десять лет моложе. И это было мудрое решение, скажу я вам.

– А мне никто не дает мой возраст, – снисходительно улыбается Серафима, – И я ничего для этого не делаю. Буквально пару недель назад иду по Крещатику, подходит мальчик – ну лет тридцать, не больше – и... как всегда, «давайте зна-

комиться». Я ему говорю: «Малыш, опомнись! Ты знаешь, сколько мне лет?» А он: «Тридцать пять? Тридцать шесть?» Я рассмеялась ему в лицо.

– Так чего не познакомилась? – спрашивает Брагина.

– О чем мне с ним говорить? Да и я не знакомлюсь на улице. Вот еще! Мне это не нужно!

– Только с шейхами можно на улице? – подлю уточняет Брагина. Серафима, конечно, иногда запутывается в своих рассказах и фантазиях, но и Брагина могла бы вести себя поприличнее.

Я принимаю решение, что после СПА – пусть делают что хотят – я пойду гулять одна. К реке. Даже если пойдет снег.

Погода, как верно сказала Брагина, «не для прогулок». Но...

Я стою на берегу осенней реки и смотрю на желтый листик, который лежит у меня на плече. Пусть лежит. Корни и крылья.

Корни стареют и уже не так прочно держат нас. Крылья облетают как осенние листья. И все-таки хорошо, когда у тебя есть и то, и другое.

Небо серое. Воздух сырой и промозглый. Река поражает своей чернотой.

Мне хорошо. Пусть девочки разбираются со своими шейхами и внешним видом без меня. Каждый любит себя по-своему. Мне хорошо наедине с черной рекой. Хотя... Я ценю то, что у меня есть подруги.

Звонит телефон. По номеру не понятно, кто это.

– Здравствуйте, Лиза. Это Иван. Удобно говорить?

О-о-о, в таких случаях говорят «сердечко затрепетало».

И впрямь, затрепетало...

Иван...

В отличие от Серафимы, со мной уже давно никто не знакомится на улице. Увы... Справедливости ради, нужно сказать, что и тридцать лет назад это происходило нечасто. А уж теперь и подавно. Если руководствоваться принципами Серафимы и искать объяснения «в плюс» себе, то... Можно решить, что это происходит по очень простой причине: я редко хожу по улицам. В основном, езжу. На машине.

Серафима, правда считает, что на машинах ездят одни идиоты, которые не берегут себя и окружающую среду, и она «еще не сошла с ума, чтобы садиться за руль». Мы с Брагиной – отпетые автомобилистки – опять подозреваем, что причина не в уме, а в том, что Серафима просто не все может себе позволить. Например, купить машину. Или обслуживать ее потом.

– Ну так бы и сказала, что нет денег, – злится Брагина, – Надоело уже слушать этот бред.

– Она же тебе сказала, что ей лучше на троллейбусе, – шучу я, – Сидишь. Книжку читаешь. Отдыхаешь. Думаешь о высоком. Ты, Брагина, когда на СТО приезжаешь с пробитым колесом, способна думать о высоком?

– Да ну вас, – отмахивается Брагина, – Ты конформистка,

Лиза.

Наверное, да. Я не спорю.

– Удобно, – отвечаю я Ивану, – я сейчас, правда, за городом. В Ворзеле. Но... здесь неплохо работает связь. Рада вас слышать.

– Взаимно, – Голос у Ивана с небольшой хрипотцой. Странно, что я этого не заметила, когда мы говорили не по телефону. Приятный голос. И речь приятная, – Отдыхаете? Или по работе?

– Отдыхаю, – отвечаю я, – С подругами.

Зачем я сказала про подруг? Он же не спрашивал, с кем именно я отдыхаю. Зачем? «Прекрати, – говорю я себе, – Не нужно анализировать каждое слово при разговоре с едва знакомыми мужчинами. Ну сказала и сказала. Захотела и сказала».

– Здорово! – говорит Иван, – Там сейчас сыровато, да? А я подумал, знаете о чем? Давайте встретимся и выпьем по чашке кофе. Или чаю. Когда вернетесь. Как вам идея?

– Прекрасная идея, – Идея мне, действительно кажется неплохой. Чего ломаться?

– Так когда вы будете в городе?

– Во вторник вечером.

– Так может быть прямо в среду и встретимся? Готов во всех красках рассказать чем закончилась та история. В целом все хорошо, но были нюансы, конечно.

– Да, с удовольствием.

Мы договариваемся о встрече, мое сердечко продолжает трепетать как в далекой юности и, несмотря на весьма солидный возраст, я продолжаю мучиться сомнениями по поводу того, не слишком ли быстро я согласилась на встречу.

Я смеюсь сама над собой. Дашка – мое самое любимой существо на этой земле, но превращаться в «только бабушку» я пока что не готова.

Я понимаю, что «та история» – это только предлог. Может, мне тоже никто не даст мой возраст, и я могу быть интересна интересным мужчинам с проседью на висках?

Кто бы сомневался!?

Я прощаюсь с черной рекой и возвращаюсь в отель. Вечером мы с «девочками» идем в ресторан «Шкипер», завтра – еще раз в СПА, я уже начинаю ждать среды, когда я пойду на свидание. Рестораны, мужчины, новые знакомства, процедуры для молодости и красоты... Да я просто прожигательница жизни, черт возьми...

Глава 3

Наводить порядок в чьей-то жизни – самое бесперспективное занятие. Просто потому, что жизнь – не твоя, а чья-то. Даже если этот «кто-то» – близкий человек. Не говоря уже о знакомых или посторонних людях.

Я в этом убеждаюсь каждый день. С мамой. С Леной. С подругами.

Правда, здесь наблюдается некоторое противоречие. А как же быть с утверждением «не проходите мимо»? Где граница?

Я завидую людям, которые не сомневаются.

Например, Серафима...

Завидую – не совсем правильное слово. Вроде бы, завидовать нечему. Но... Я бы тоже хотела так. Если Серафиму увольняют с работы, то причина только одна: в нее влюбился начальник и не дает ей прохода. Если Серафима поссорилась с подругой, то причина только одна: ей все завидуют. Если Серафима рассталась с мужчиной, то причина одна: он так обожал ее, что она чувствовала себя как в клетке. Нет вру: здесь может быть еще одна причина: он не дотягивал до ее интеллектуального уровня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.